

Почему?

Потому что user experience — это очень авторитарное течение в дизайне, которое настаивает на том, чтобы пользователь даже не замечал, что есть компьютер. Это звучит как забота, как уважение к пользователям, но на самом деле приводит все к тому, что им даже не приходит в голову, что можно изменить настройки, поменять браузер. То есть все меньше и меньше людей задумываются о том, что они могут что-нибудь сделать сами.

Говоря про заметность и незаметность художников net art, насколько для вас важно показывать свои работы в галереях или музеях? К примеру, новая выставка в Agebyte Gallery в Лондоне должна была открыться в физическом пространстве, но в связи с обстоятельствами все преобразовалось в цифровой формат. Насколько, на ваш взгляд, зрителю нужно видеть все на большом экране — может быть, достаточно любую работу просто посмотреть в браузере?

Мне интересны оба формата, хотя у меня очень мало инсталляций, которые созданы для презентации только в галерее. Те работы, которые должны были показать в Agebyte, сделаны для того, чтобы существовать в браузере и чтобы зритель со своим компьютером, своим браузером, своими настройками, привычками и мышкой что-то мог там сделать. То есть я требую от зрителя еще каких-то действий, ему нужно потратить время на это. При этом я в галереях не показываю ничего интерактивного: это обусловлено моей нелюбовью и конфликтом с интерактивным искусством, которое сформировалось в середине 90-х. В то время становление net art шло одновременно с критикой интерактивного искусства. Я также не заменяю свои работы на видео, хотя галереям зачастую его удобнее показывать. Чтобы увидеть мою новую работу «Hosted» (2020), к примеру, нужно переходить из одной вкладки браузера в другую. Можно было просто записать этот процесс и показывать, но мне важно, чтобы все происходило вживую, не интерактивно, то есть не становилось незаметным. Я против ситуации, когда смотришь на то, как будто бы кто-то за тебя переключает вкладки, ведь процесс и результат сильно отличаются от того, когда этим действием управляет сам зритель.

Я помню серию работ, которая была связана с газетным дизайном, она отлично смотрелась в галереях на широкоформатных экранах, где поверх текста и картинок была показана различная gif-анимация. Несколько из них были посвящены Путину, Трампу и Ким Чен Ыну.

Это моя любимая серия Online Newspapers, которая началась еще в 2004 году. Она стала продолжением моих археологических веб-исследований. Я нашла модели того, как появлялись стандарты онлайн-публикаций, которые газеты используют сейчас. В 1996 году, к примеру, существовали идеи о том, что газеты будут выглядеть как скетчи. Мне хотелось показать контраст бумаги и веб-интерфейса. Потом мне захотелось сделать что-то про интернет, но вне его. Так в 2008-м эта серия дополнилась новыми работами, которые я сделала вместе с Драгоном Эспеншидом (супруг Лялиной, сетевой художник и специалист по цифровым архивам; с 2014 года он возглавляет программу по сохранению цифровых материалов Rhizome. — „Ъ-Арт“) на основе дизайнов Wall Street Journal, New York Times, New York Post и New York Daily News, они были показаны в Мэдисон-сквер в Нью-Йорке. В них мы постарались совместить онлайн-эстетику с тем, что характерно для бумажных массмедиа. А вот серия на базе дизайна французских газет, к примеру, обыгрывала анимацию в виде перелистывания страницы, чрезвычайно распространенного приема в 2013-м. Работы с национальными лидерами появились в 2017 году. Мне хотелось перевести «газетную» серию на новый этап, сделать ее более сложной. Так, к узнаваемому минималистичному стилю Frankfurter Allgemeine, куда помещены фотографии с Путиным, Трампом и Ким Чен Ыном, были добавлены программируемые эффекты в виде искрящегося блеска.

Насколько можно говорить о тенденциях в net art? Есть ли вообще такое понятие?

Мне очень близка эта мысль о существовании тенденций. Очень важно говорить о тенденциях внутри, о поколениях, и говорить конкретно, чем отличается один художник от другого. Тенденции, к примеру, могут быть связаны с изменением времени, интересом художника к определенным скриптам, приверженностью к браузеру. Раньше я представлял себе не могла, что можно сделать что-то вне табличной верстки. Все это — важные моменты, а не так, как говорят, что есть просто постинтернет, и все.

Технологии развиваются чрезвычайно быстро. Вы упоминали, что для идеального воспроизведения прошлых работ, чтобы показать их в том виде, как они задумывались, надо использовать старое оборудование либо разрабатывать режимы эмуляции систем из прошлого. Нужно затратить определенные усилия, чтобы сохранить net art?

Приложить усилия нужно. Я с удовлетворением замечаю, как музеи обзаводятся отделами по сохранению цифрового искусства. В художественных академиях на программах реставрации обучают и диджитал-реставраторов. По всему миру постепенно появляются факультеты цифрового искусства. При этом специалистам, которые работают с видео, компьютерными играми, net art, VR, приходится сложно — им нужно быть профессионалами и со знанием оборудования, и в программном обеспечении. С одной стороны, я хочу предотвратить исчезновение старого веба, сохранить его, а другая часть меня, сетевой художник, создает такие вещи, как «Hosted», «Self portraits», которые невозможно законсервировать. И я с удовольствием существую в этом шизофреническом статусе.

Беседовал Александр Шуренков